

Оригинальная статья / Original article

УДК 94 (321)

Трезвенное движение в России накануне винной реформы 1863 года

Н. Е. Горюшкина¹ ✉, А. А. Колупаев¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Трезвенное движение – уникальная форма протеста народных масс против откупного произвола. Исследование его имеет давние традиции. Однако ряд аспектов изучен явно недостаточно. Безусловную злободневность и значимость для понимания существа процесса обновления России в период правления Александра II имеет научный анализ народного единства и стойкости в противодействии откупному произволу.

Цель статьи – раскрыть истинные причины народного единства и стойкости в отказе пить откупное вино в 1858–1859 годы.

Задачи. Сформулированная цель была конкретизирована в следующих задачах: раскрыть основания для возникновения трезвенного движения в России; продемонстрировать размах народного протеста; объяснить реакцию правительства на отказ от покупки откупного вина; объяснить существо народного протеста.

Методология. Статья написана с помощью контекстно-исторического метода, предоставившего возможность вписать трезвенное движение в контекст общественных процессов середины XIX века., историко-генетического, раскрывающего суть народных обетов, историко-сравнительного метода, нацеливающего на поиск идентичных общественных конфликтов.

Результаты. Авторы указывают, что ожидаемая много лет отмена винных откупов в 1858 году не состоялась, объявлены очередные откупные торги. Откупщики использовали последнее откупное четырехлетие для умножения собственных доходов, цена алкоголя выросла. Подорожание спиртного народ воспринял как личное оскорбление. Европейскую часть страны охватило трезвенное движение, выразившееся в пассивном и открытом противодействии откупщикам. Протестная активность грозила казне недобором. Правительство предприняло меры по сдерживанию народного протеста, вплоть до введения военных команд в охваченные питейными бунтами губернии.

Вывод заключается в том, что трезвенное движение явилось зримым подтверждением конфликта между откупщиками и народом. Народ проявил единство и стойкость в противодействии откупщикам, восприняв удорожание спиртного как личное оскорбление. Желая снять социальный конфликт, верховная власть заменила откупа акцизом.

Ключевые слова: алкоголь; винная реформа; трезвенное движение; откупная система; акцизная система; питейное заведение; обет; погром.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Горюшкина Н. Е., Колупаев А. А. Трезвенное движение в России накануне винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 247–257.

Поступила в редакцию 01.07.2021

Принята к публикации 30.07.2021

Опубликована 30.08.2021

Sober Movement in Russia on the Eve of the Wine Reform of 1863

Natalia E. Goryushkina¹ ✉, Andrej A. Kolupaev¹

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

The relevance. The sober movement is a unique form of protest of the masses against the arbitrariness of the ransom. Its research has a long tradition. However, a number of aspects are insufficiently studied. Unconditional topicality and significance for understanding the essence of the process of Russia's renewal during the reign of Alexander II. has a scientific analysis of national unity and resilience in countering the arbitrariness of the ransom.

The purpose the article is to reveal the true reasons for the national unity and staunchness in the refusal to drink ransom wine in 1858–1859.

The objectives. The formulated goal was concretized in the following tasks: to reveal the reasons for the emergence of a sober movement in Russia; demonstrate the scope of the popular protest; explain the government's reaction to the refusal to buy the buy-out wine; explain the essence of popular protest.

Methodology. The article was written using the contextual-historical method, which provided an opportunity to fit a sober movement into the context of social processes of the mid-19th century, the historical-genetic method, revealing the essence of folk vows, the historical-comparative method aimed at finding identical social conflicts.

Results. The authors point out that the abolition of the wine lease, which was expected for many years, did not take place in 1858, and the next lease sale was announced. The tax-farmers used the last four-year ransom to increase their own income, the price of alcohol rose. The rise in the price of alcohol was perceived by the people as a personal insult. The European part of the country was swept by a sober movement, expressed in passive and open opposition to the tax farmers. Protest activity threatened the treasury with shortfalls. The government took measures to curb the popular protest, right up to the introduction of military commands into the provinces engulfed in drinking riots.

Conclusions. The sober movement was a visible confirmation of the conflict between the tax farmers and the people. The people showed unity and steadfastness in opposing the tax farmers, taking the rise in the price of alcohol as a personal insult. Wanting to remove the social conflict, the supreme power replaced the buyout with excise tax.

Keywords: alcohol; wine reform; sober movement; ransom system; excise system; drinking establishment; vow; pogrom.

Conflict of interest: The Authors declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Financing: The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2021 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving individuals, society and the state" (No. 0851-2020-0033).

For citation: Goryushkina N. E., Kolupaev A. A. Sober Movement in Russia on the Eve of the Wine Reform of 1863. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 247–257. (In Russ.)

Received 01.07.2021

Accepted 30.07.2021

Published 30.08.2021

Введение

Винная реформа 1863 г. открыла новую, акцизную, страницу в питейной истории России. Одним из факторов, ускорившим процесс обновления системы

взимания налога с питей, стало трезвенное движение 1858–1859 гг.

Изучение трезвенного движения имеет относительно давнюю историографическую традицию. Первый его анализ был произведен И. Г. Прыжовым в книге

«История кабаков в России в связи с историей русского народа», которая обрела свет в 1868 г. По мнению автора, народ отказался от откупного вина «без всяких уговоров, без всякой стачки, без всякого постороннего вмешательства», возмущившись резким подорожанием «любимого» продукта [1, с. 290]. Революционные демократы (Н. А. Добролюбов [2], А. И. Герцен [3]) связывали массовый отказ от покупки спиртного с ростом народного самосознания. Более поздние работы имперского периода (А. Б. Петрищев [4], В. А. Лебедев [5]), претендовавшие на научное осмысление трезвенного движения, называли его ответной реакцией на откупной произвол. Советские исследователи (Г. Лурье [6], А. Ф. Дергачев [7], В. А. Федоров [8]) рассматривали трезвенное движение как подтверждение сложившейся в России накануне отмены крепостного права «революционной ситуации». Современные авторы (А. И. Мажуров [9], А. В. Сергеев [10], Н. Е. Горюшкина [11]) обращали внимание на невероятную стойкость народных масс в противодействии откупщикам и высокую степень самоорганизации при образовании обществ трезвости по всей России.

В то же время обстоятельства, «вынудившие» откупщиков пойти на резкое удорожание алкоголя, а также механизмы включения в трезвенничество, жесткость правительственной реакции на протест остаются до сих пор среди малоисследованных тем. В данной статье сделана попытка восполнить имеющийся пробел и, кроме поднятых выше вопросов, выяснить причины беспрецедентной стойкости народа в отказе пить хлебное вино.

Методология

Источники, использованные для исследования, отличились требуемым разнообразием. В первую очередь были изучены документы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации по теме – донесения из разных гу-

берний России, рапорты, секретные протоколы. Наряду с официальными бумагами, сохранившимися в архивных фондах, авторы привлекли к работе статистические материалы, карты, источники личного происхождения, а также научные работы о трезвенном движении имперского, советского и постсоветского периодов.

Методология исследования обуславливалась состоянием изученности темы. Авторы следовали принципам историзма, объективности и системности. Первый – диктовал необходимость анализа трезвенного движения как острого социального конфликта, свойственного откупной эпохе. Второй – требовал подойти к трезвенному движению как к весьма сложному и противоречивому явлению, требующему непредвзятой, справедливой оценки. В соответствии с третьим – трезвенное движение рассматривалось как итог сложной системы взаимоотношений частных и публичных прав.

Наряду с указанными принципами использовались: контекстно-исторический метод, предоставивший возможность вписать трезвенное движение в контекст сложных общественных процессов середины XIX в., историко-генетический метод, раскрывающий суть народных обетов, историко-сравнительный метод, нацеливающий на поиск идентичных общественных конфликтов.

Результаты и их обсуждение

О необходимости отмены откупной системы в России говорили беспрестанно, на самых разных уровнях. Но какой-либо позитивной программы, устраивавшей и правительство, и общество, разработано не было. Немалую популярность в общественных и правительственных кругах снискала себе действовавшая на Западе акцизная система взимания питейного сбора, но ее принципы и условия оставались весьма туманными. Потому 16 июля 1858 г., несмотря на непрерывно циркулирующие слухи о грядущих пере-

менах, Правительствующий сенат организовал откупные торги на следующее четырехлетие (1859–1862 гг.) [12].

Радости откупщиков не было предела, открывалась возможность ещё какое-то время наполнять собственный карман «пьяными деньгами». То ли в благодарность за сохранение питейного режима, то ли для убеждения правительства в выгодах откупной операции «коронные поверенные» подняли ставки до небес. Казне было обещано 127 769 488 руб., что составляло 46% «обыкновенных доходов» и на 29 887 677 руб. превышало сумму, полученную с откупов в предшествующий период [13, с. 91].

Столь благоприятные в финансовом отношении результаты торгов давали Министерству финансов надежду на возможность справиться с тяжелым финансовым кризисом, постигшим страну после неудачной Крымской войны. Но на счет чистоты откупных денег иллюзий ни у кого не было, потому, когда министр финансов А. М. Княжевич с оптимизмом докладывал царю об успешных откупных торгах, Александр II только и произнес: «Грустно мне этому радоваться» [14, с. 426].

Одарив правительство обещаниями, откупщики не могли не позаботиться о собственных выгодах. «Конечно, – писал о тех торгах профессор Санкт-Петербургского университета В. А. Лебедев, – они [откупщики. – *Авт.*] зарвались и, чтобы не остаться в убытке, стали произвольно возвышать цены на вино и делать разные ухищрения для „выборки капитала из народа“» [5, с. 20].

Условия «Положения об акцизно-откупном комиссионерстве» были составлены так, что провоцировали откупщиков-комиссионеров к «изворотам, хитростям и бессовестностям» [15]. Откупщик был обязан приобрести у казны алкоголь по цене в 2,5 руб. за ведро, а продать из собственных магазинов полугарное вино по 3 руб., пенное – по 3 руб.

30 коп., трехпробное – по 4 руб. серебром [16].

Небольшая разница между закупочной и продажной стоимостью вина должна была покрыть расходы откупщиков на содержание приказчиков, поверенных, сидельцев, оплату транспорта с казенного склада, покупку стеклянной посуды и т.д. При таких условиях всякому откупщику грозило банкротство. Не разориться или, что предпочтительнее, остаться с прибытком позволяла продажа так называемых «элитных водок». Цена «элиты», по «Положению», определялась откупщиком самостоятельно, весь полученный с нее доход он клал в свой карман.

Ввиду таких обстоятельств в январе 1858 г. с витрин питейных магазинов начисто исчез трехрублевый перегар. Покупателям сообщалось, что полугарное вино распродано, и предлагалось приобрести «улучшенное вино» по 3,5–5 руб. при покупке крупными мерами, по 6–9 ½ руб. – в розницу. «До какой цены может дойти водка? – спрашивали у откупщика. – Да до цены шампанского, – отвечал он, потирая руки», – описывал происходящее И. Г. Прыжов [1, с. 287–288].

На поверку «элита» представляла собой низкокачественную водку, до пределов разбавленную водой [17].

Народный гнев не имел границ и дошел до Министерства финансов. Глава финансового ведомства не остался безучастным к нарастающему ропоту потребителей и сделал откупщикам внушение о необходимости производить отпуск вина согласно откупным условиям, цене и крепости. Но, надо признать, заметных перемен не последовало, откупщики по-прежнему торговали некачественным и дорогим вином. И тут случилось невиданное – отчасти по собственной инициативе, отчасти под влиянием духовенства народ отказался покупать дурного качества вино по завышенной цене и организовался в общества трезвости.

Отправной точкой трезвенного движения можно считать август 1858 г., ко-

гда «крестьяне Ковенской губернии дали клятвенное обещание в своих церквях (сами от себя) не пить более водки» [18, с. 1].

В сентябре – ноябре вести об образовании обществ трезвости пришли из Саратовской и Тульской губерний, в декабре – из Виленской и Гродненской губерний. В январе 1859 г. отказались от водки крестьяне Калужской, Рязанской, Тульской, Владимирской, Тамбовской губерний. В марте – апреле трезвенное движение охватило Московскую и Орловскую, в мае – Витебскую, Костромскую, Новгородскую, Смоленскую губернии. В июне – августе общества трезвости были созданы в Петербургской, Вятской, Ярославской, Тверской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Казанской, Сибирской, Оренбургской, а также Харьковской, Екатеринославской, Воронежской, Курской губерниях [19].

Народ «сговаривался» не пить вина во время церковных служб, на городских собраниях, на сельских сходах. Обет был словесным или письменным, с крестоцелованием или без него. Одни общества договаривались не пить «до срока» (до осени, до весны, до Рождества, до Пасхи), другие – отказывались пить только откупное вино, а на свадьбы, крестины, поминки покупать «лиссабонское» или пиво. Третьи – бросили посещать кабаки без зарок (так было в Киеве и Нижнем Новгороде). Четвертые – зарекались не пить во время храмовых праздников. Так, в селе Стаканово Щигровского уезда Курской губернии мировой сход крестьян постановил не пить вина в престольные дни [21 мая, 23 июня, 26 августа – дни почитания Владимирской иконы Божией Матери. – *Авт.*], возлияния же заменить молебном и посильным пожертвованием в пользу церкви [2, с. 276–277].

Какие-то общества трезвенников имели названия (например, «Не брать вино»), но большинство обходилось без него [20, л. 64 об.]

В некоторых местностях за нарушение общественного договора назначались денежные взыскания (за первый раз – 3 руб., за второй раз – 5 руб., за третий раз – 10 руб.) и телесные наказания. Известно, что крестьяне села Хотуши Каширского уезда Тульской губернии не ограничили штраф малыми суммами, а пригрозили нарушителям «договора о трезвости» штрафом в 25 руб. за ведро, а безденежным – телесными наказаниями. В селе Лукники Шавельского уезда Ковенской губернии крестьяне наказали одного из ослушников тем, что приклеили ему на спину вывеску «пьяница» и с барабаном провели по селу. Кого-то наказывали розгами [2, с. 274, 278].

«Пьянствующих» и «опохмеляющихся» были призваны удерживать от стакана выставленные у питейных домов караулы [21].

Священнослужители в основе своей поддерживали народную решимость: читали проповеди о наказаниях, которые ждут пьяницу после смерти, напоминали о Божьей каре пьяницам во время исповеди, заканчивали службу псалмом «Благодарение за трезвость», сами показывали пример трезвого образа жизни.

Не скрывала своего восхищения ширившимся трезвенным движением демократическая общественность, видя в нем пробуждающееся стремление народа к сознательной и культурной жизни. «Борьба народа с откупом – вот факт, который на этот раз может служить нам доказательством жизненности народных масс в России, – восхищенно писал Н. А. Добролюбов. – Сотни тысяч народа в каких-нибудь пять-шесть месяцев, без всяких предварительных обсуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства отказались от водки» [2, с. 283, 315].

Народ чувствовал себя оскорбленным. Рост стоимости алкоголя он воспринял не как обычное откупное плутовство, а как лично принесенную каждому обиду. Расходы на водку были неотъемлемой частью крестьянских бюджетов.

Водка была незаменима – ее потребляли на свадьбах и похоронах, чтобы скрепить сделку, поправить здоровье, согреться. Увеличение цены на спиртное, по меткому замечанию австралийского историка Д. Крисчна, имело для россиянина такие же «серьезные последствия, как если бы были увеличены основные налоги или оброк» [22, с. 134].

Откупщики пребывали в ужасе и предприняли самые разнообразные способы, чтобы свернуть народный протест, – «спускали» цену вина до 3 руб., устраивали бесплатную раздачу шкаликов, организовывали у кабаков концерты и представления, подкупом склоняли на свою сторону сельских начальников, платили за крестьян недоимки по налогам. А еще отправляли жалобы местному и столичному начальству, грозя казне недобором [23, с. 247].

Министр финансов в состоянии, близком к панике, всеми средствами пытался остановить трезвенное движение. 19 января 1859 г. он выпустил секретный циркуляр, требующий не допускать «стеснения продажи откупщиками водки по вольным ценам», чтобы не допустить потерь казенного дохода. 7 февраля 1859 г. А. М. Княжевич добился издания совместного с министром внутренних дел С. С. Ланским и министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым постановления. В нем говорилось: «Приговоры городских и сельских обществ о воздержании уничтожить и впредь городских собраний и сельских сходней для сей цели не допускать» [20, л. 11 об. – 12].

Раздельно министерствами государственных имуществ и внутренних дел были изданы циркуляры от 19 марта и от 22 марта 1859 г. соответственно. Оба циркуляра представляли собой образцы казуистики и крючкотворства. Смысл сказанного был «крепко» сокрыт в глубине официальных оборотов и фраз. Если министерство финансов никаких интересов, кроме интересов фиска, не признавало, эти два министерства находили пьян-

ство явлением нежелательным и признавали, что трезвенное движение само по себе заслуживает поощрения, если действия его участников не выходят за установленные законом пределы. В циркуляре Ланского было обращено внимание, что по уставу о благоустройстве в казенных селениях сельские сходы наделены были правом принимать исправительные меры только по отношению к горьким пьяницам, а не ко всем желающим зайти в питейный дом. Составление же приговоров о запрещении вообще пить водку, тем более установление за нарушение подобных запрещений каких-либо наказаний, хотя и по общему решению членов схода, признавалось противозаконным. Циркуляр Муравьева, ссылаясь на запрет помещичьим крестьянам, вообще собирать какие-либо сходы и «постановлять какие бы то ни было приговоры», запрещал подобного рода действия и грозил нарушителям запрета суровыми санкциями [24, с. 49–50].

Многие в России были убеждены, что правительственные распоряжения «куплены откупщиками». Угрозы наказания за трезвость и воздержание изобличали несостоятельность власти, подрывали веру народа в доброго и справедливого царя. Находившийся в это время в Лондоне А. И. Герцен был глубоко возмущен борьбой правительства с трезвостью, а по поводу циркуляров писал следующее: «Тема одна, только варьяции Ланского мольные, а Муравьева дурные. Оба циркуляра говорят о пользе воздержания от сивухи, о праве крестьян не нарезать, и на этом основании оба мешают им брать свои домашние меры надзора за исполнением обета не пить» [25, с. 126–127].

«О свойстве этих циркуляров можно судить, – писал калужский губернатор В. А. Арцимович, – по впечатлению, которое они произвели при своем появлении. Им радуются откупщики, полицейские взяточники, которым открывается теперь возможность брать с крестьян за

то, что они не пьют, а с откупа за то, чтобы крестьяне пили; да еще корыстолюбивые и невежественные помещики, из коих первым неудобно, а вторым представляется страшно иметь дело с разумным, нравственным и трезвым крестьянином. Напротив, честные люди негодуют сильно и глубоко на безнравственность этих распоряжений, смеются над их мудростью» [24, с. 51].

Министр финансов, между тем, и не думал останавливаться в противодействии трезвости. Он даже вступил в конфликт с церковью, отправив в марте 1859 г. обер-прокурору Святейшего синода А. П. Толстому депешу следующего содержания: «Совершенное запрещение горячего вина посредством сильнодействующих на умы простого народа религиозных угроз и клятвенных обещаний не должно быть допускаемо, как противное не только общему понятию о пользе умеренного употребления вина, но и тем постановлениям, на основании которых правительство отдало питейные сборы в откупное содержание» [26].

Трезвенное движение поставило священнослужителей перед трудным выбором. Как пастыри они были обязаны поддерживать народную решимость воздержания от употребления вина, но как сановники от церкви они не могли игнорировать аргументы Министерства финансов. Несмотря на явные колебания, в июле 1859 г. Святейший синод благословил приходское духовенство «на неослабное и деятельное попечение о возбуждении в своих прихожанах любви к воздержанию и искоренении пристрастия к хмельным напиткам» [4, с. 32].

Трезвенное движение тем временем радикализировалось. На фоне непрекращающейся борьбы финансового ведомства с обществами трезвости начались погромы питейных заведений.

В течение 3-х недель начиная с 20 мая 1859 г. в городе Наровчатة Пензенской губернии и близлежащих уездах было разбито и разграблено 50 кабаков. В

селе Васильевском Вятской губернии крестьяне, собравшись толпой в 1 тыс. человек, разгромили кабаки и избили прибывших на место беспорядков полицейских. В городе Спасске Тамбовской губернии и 15 прилегающих к нему селениях бунтовщики разорили все питейные заведения [24, с. 52].

Массовыми погромами отметились 12 губерний, включая, помимо названных выше, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Новгородскую, Московскую, Оренбургскую, Казанскую, Владимирскую, Смоленскую губернии. Буйства происходили большей частью при сборищах крестьян на ярмарки и базары. Огромные ватаги из крестьян, городских низов, отставных солдат громили кабаки, разливали вино, избивали служителей откупов, оскорбляли представителей местной власти. В 1858 г. Министерство внутренних дел зафиксировало 13 случаев погрома питейных домов, а в 1859 г. их число выросло до 636 [27, с. 736].

В охваченные погромами губернии правительство выдвинуло военные команды. В Пензенскую губернию для принятия мер к прекращению беспорядков был отправлен генерал-адъютант Н. М. Яфимович, в Тамбовскую – генерал-адъютант Н. М. Толстой, в Самарскую – генерал-лейтенант Н. Ф. Ладыженский.

Большинство образованного общества весьма критично отнеслось к правительственным шагам по усмирению народного сопротивления. «Бедное войско, бедные офицеры, мало было им защищать трон и алтарь, помещичьи розги и чиновничий разбой – пришлось теперь защищать кабак с его штофной и распивочной продажей. Уже не дадут ли им потом ведерные кавалерии через плечо, полуштофные крестики в петлицу, а нижним чинам медали с изображением голубя, сходящего на откупоренный штоф, и с надписью: "*Spiritus sanctus – spirit vini*", – без усталости возмущался Герцен [25, с. 145].

Зачинщики погромов были арестованы, наказаны шпицрутенами и сосланы в Сибирь. Народу запретили не пить вино [28, с. 40].

Подавление трезвенного движения вызвало беспредельное народное разочарование. Царь, который по многовековой российской традиции почитался как заступник народа, выставил себя поборником неуважения к народным чаяниям, сторонником распространения в народе порочных наклонностей. Победа над трезвенниками стала торжеством действующей системы, но не торжеством порядка и справедливости.

Выводы

Народный протест, выразившийся в отказе приобретать дорогое и некачественное откупное вино, распространился по всей Европейской России. Он стал зримой демонстрацией конфликта между откупщиками и народом.

Народ считал рост цен на алкоголь, характерный для последних лет действия откупной системы, не рядовой уловкой «коронных поверенных», а личным оскорблением, попыткой влезть в его собственный карман.

Важную роль играло то обстоятельство, что хлебное вино для народа являлось, по существу, единственным «лакомством» и носило почти сакральный смысл. Его потребляли в дни радости и скорби, им лечились, грелись, с ним утверждались сделки, укреплялись союзы, начинались новые дела и подводились итоги. Выражением этой неподдельной любви являлись народные пословицы: «Вино на радость нам дано», «Не пить – значит не жить», «Человека хлеб живит, а вино крепит».

Именно по этим причинам, думается, народ проявил стойкость и единство в противодействии откупному порядку. Протестная активность народа грозила казне недобором. Правительство пошло на беспрецедентные меры по ее свертыванию, вплоть до введения войсковых команд в бунтующие губернии. Но усмирение питейных бунтов негативно отразилось на восприятии народом царя как заступника и ревнителя народных интересов. Не желая более провоцировать народ, верховная власть вплотную занялась поиском достойной замены откупной системе.

Список литературы

1. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольф, 1868. 320 с.
2. Добролюбов Н. А. Народное дело. Распространение обществ трезвости // Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Гослитиздат, 1952. Т. 2. С. 279-315.
3. Герцен А. И. Финансовые меры а la Ванька Каин // Колокол. 1859. 1 ноября. С. 454–455.
4. Петрищев А. Б. Из истории кабаков в России. СПб.: Русская Скоропечатня, 1906. 38 с.
5. Лебедев В. А. Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1898. 106 с.
6. Лурье Г. Питейные бунты 1859 года и П. П. Линьков-Кочкин // Звенья: сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной жизни XIX в. М.-Л.: Academia, 1934. Кн. 3–4. С. 855–876.
7. Дергачев А. Ф. Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 года (1840–1861 гг.). Пенза: Пенз. кн. изд-во, 1958. 140 с.
8. Федоров В. А. Крестьянское трезвенное движение 1858–1860 гг. // Революционная ситуация 1859–1860 гг.: сборник трудов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 107–125.

9. Маюров А. И. 150-летие начала организованного трезвеннического движения в России // Здоровье и образование в XIX веке. 2008. № 1. С. 96–107.
10. Сергеев А. В. «Трезвенное движение» 1858–1860-х годов как нетипичная форма социального протеста // История государства и права. 2018. № 12. С. 66–70.
11. Горюшкина Н. Е. Почему дали «вольную» питьям? К вопросу о подготовке винной реформы 1861 г. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 140. С. 20–26.
12. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 722. Оп. 1. Д. 464. Л. 395.
13. Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика: в 4 т. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1882. Т. 3. 232 с.
14. Судейкин В. Т. Александр Максимович Княжевич // Русская старина. Г. 24. 1892. Т. 76. С. 398–432.
15. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1750. Л. 4 об.
16. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 92–92 об.
17. ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1346. Л. 4 об.
18. Шипов С. О трезвости в России. СПб.: Тип. С. Бекенева, 1859. 44 с.
19. РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 196. Л. 8, 10, 37, 85, 94–94 об., 132, 211, 224, 252–252 об.
20. ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 83.
21. ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 85.
22. Крисчн Д. Забытая реформа: отмена винных откупов // Великие реформы в России. 1856–1874: сборник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 126–139.
23. Решетников Ф. М. Глумовы. Где лучше? М.: [Б/и], 1958. 645 с.
24. Корнилов А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при В. А. Арцимовиче. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. 276 с.
25. Герцен А. Н. Статьи из Колокола и другие произведения 1859–1860 годов // Собрание сочинений. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. 14. 700 с.
26. РГИА. Ф. 571. Оп. 8. Д. 196. Л. 64–64 об., 252–252 об.
27. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг.: сборник документов. М.: Соцэкгиз, 1963. 882 с.
28. Кадер С. А. Винная регалия и монопольная система. Витебск: Губ. тип.-лит., 1897. 94 с.

References

1. Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriej russkogo naroda [The history of pubs in Russia in connection with the history of the Russian people]. St. Petersburg; Moscow, Tip. M. O. Vol'f, 1868. 320 p.
2. Dobrolyubov N. A. Narodnoe delo. Rasprostranenie obshchestv trezvosti [People's business. The spread of temperance societies]. Sbornie sochinenij [Collected works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1952, vol. 2, pp. 279–315.
3. Gercen A. I. Finansovye mery a la Van'ka Kain [Financial measures and la Roly Kain]. *Kolokol* = *Kolokol*, 1859, November 1, pp. 454–455.
4. Petrishchev A. B. Iz istorii kabakov v Rossii [From the history of pubs in Russia]. St. Petersburg, Russkaya Skoropechatnya, 1906. 38 p.
5. Lebedev V. A. Pitejnoe delo [Drinking business]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata Publ., 1898. 106 p.

6. Lur'e G. Pitejnye bunty 1859 goda i P.P. Lin'kov-Kochkin [The drinking riots of 1859 and P. P. Linkov-Kochkin]. Zven'ya. Sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstva i obshchestvennoj zhizni XIX v. [Links. Collection of materials and documents on the history of literature, art and public life of the XIX century]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1934, books 3–4, pp. 855–876.
7. Dergachev A. F. Krest'yanskoe dvizhenie v Penzenskoj gubernii nakanune reformy 1861 goda (1840–1861 gg.) [The peasant movement in the Penza province on the eve of the reform of 1861 (1840–1861)]. Penza, Penz. kn. izd-vo, 1958. 140 p.
8. Fedorov V. A. Krest'yanskoe trezvennoe dvizhenie 1858–1860 gg. [The peasant sober movement of 1858–1860]. Revolyucionnaya situaciya 1859–1860 gg. Sbornik trudov [The revolutionary situation of 1859–1860. Collection of works]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962, pp. 107–125.
9. Mayurov A. I. 150-letie nachala organizovannogo trezvennicheskogo dvizheniya v Rossii [150th anniversary of the beginning of the organized teetotal movement in Russia]. *Zdorov'e i obrazovanie v XIX veke = Health and education in the XIX century*, 2008, no. 1, pp. 96–107.
10. Sergeev A. V. "Trezvennoe dvizhenie" 1858–1860-h godov kak netipichnaya forma social'nogo protesta [The "Sober Movement" of the 1858–1860s as an atypical form of social protest]. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and law*, 2018, no. 12, pp. 66–70.
11. Goryushkina N. E. Pochemu dali "vol'nuyu" pitiyam? K voprosu o podgotovke vinnoj reformy 1861 g. [Why were they given "free" drinks? On the question of preparing the wine reform of 1861]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Izvestiya of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2011, no. 140, pp. 20–26.
12. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 722, op. 1, d. 464, l. 395.
13. Blioh I. S. Finansy Rossii XIX stoletiya. Istoriya – statistika [Finance of Russia of the XIX century. History-statistics]. St. Petersburg, Tip. tov-va "Obshchestvennaya pol'za", 1882, vol. 3. 232 p.
14. Sudejkin V. T. Aleksandr Maksimovich Knyazhevich [Alexander Maksimovich Knyazhevich]. *Russkaya starina = Russian antiquity*. G. 24, 1892, vol. 76, pp. 398–432.
15. GARF, f. 109, op. 3, d. 1750, l. 4 ob.
16. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 1, d. 1.
17. GARF, f. 828, op. 1, d. 1346.
18. Shipov S. O trezvosti v Rossii [About sobriety in Russia]. St. Petersburg, Tip. S. Beke-neva Publ., 1859. 44 p.
19. RGIA, f. 571, op. 8, d. 196, l. 8, 10, 37, 85, 94–94 ob., 132, 211, 224, 252–252 ob.
20. GARF, f. 815, op. 1, d. 83.
21. GARF, f. 815, op. 1, d. 85.
22. Krischn D. Zabytaya reforma: otmena vinnyh otkupov [The forgotten reform: the abolition of wine purchases]. Velikie reformy v Rossii. 1856–1874. Sbornik [Great reforms in Russia. 1856–1874. Collection]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1992, pp. 126–139.
23. Reshetnikov F. M. Glumovy. Gde luchshe? [The Glumovs. Where is it better?]. Moscow, 1958. 645 p.
24. Kornilov A. A. Krest'yanskaya reforma v Kaluzhskoj gubernii pri V. A. Arcimoviche [Peasant reform in the Kaluga Province under V. A. Artsimovich]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1904. 276 p.

25. Gercen A. N. Stat'i iz Kolokola i drugie proizvedeniya 1859–1860 godov [Articles from the Bell and other works of 1859–1860]. Sobranie Sochinenij [Collected Works]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958, vol. 14, 700 p.

26. RGIA, f. 571, op. 8, d. 196, l. 64–64 ob., 252–252 ob.

27. Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1857 – mae 1861 gg. Sbornik dokumentov [The peasant movement in Russia in 1857-May 1861. Collection of documents]. Moscow, Socekgiz Publ., 1963. 882 p.

28. Kader S. A. Vinnaya regaliya i monopol'naya Sistema [Wine regalia and monopoly system]. Vitebsk, Gub. tip.-lit., 1897. 94 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gor046@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gor046@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4643-0108

Колупаев Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kolupaev79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9438-3430

Andrej A. Kolupaev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Socioal and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kolupaev79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9438-3430